

Примечания

¹ См., например: *Шофман А.С., Шамов Г.Ф.* Восточный разряд Казанского университета (краткий очерк) // Очерки по истории русского востоковедения. Вып. 2. М., 1956. С. 418–448; Казанский центр востоковедения // История отечественного востоковедения до середины XIX в. М., 1990. С. 118–139.

² См.: *Мазитова Н.А.* Изучение Ближнего и Среднего Востока в Казанском университете (первая половина XIX в.). Казань, 1972; *Кононов А.Н.* История изучения тюркских языков в России. Л., 1972; *Крачковский И.Ю.* Очерки по истории русской арабистики. М.; Л., 1950; *Скачков П.Е.* Очерки истории русского китаеведения. М., 1977; *Шамов Г.Ф.* Санскритология в Казанском университете в первой половине XIX в. // Проблемы востоковедения. 1959. № 3. С. 117–122.

³ См., например: *Кононов А.Н.* Библиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период. М., 1974 (2-е изд. М., 1939); *Иванов С.Н.* Николай Федорович Катанов: очерк жизни и деятельности. 1862–1922. 2-е изд. М., 1973; Тюркологический сб. 1975. М., 1978 (Посвящен С.Е. Малову); *Шамов Г.Ф.* Научная деятельность О.М. Ковалевского в Казанском университете // Очерки по истории русского востоковедения. Вып. 2. С. 118–180; *Хохлов А.Н.* В.П. Васильев в Нижнем Новгороде и Казани // История и культура Китая. М., 1974. С. 28–70.

⁴ *Куликов А.М.* Становление университетского востоковедения в Петербурге. М., 1932.

⁵ История отечественного востоковедения до середины XIX в. М., 1990. С. 93–117.

⁶ *Валеев Р.М.* Казанское востоковедение: истоки и развитие (XIX в. – 20-е годы XX в.). Казань, 1998. С. 96.

⁷ Там же. С. 226.

⁸ *Иванов С.Н.* Указ. раб. С. 53.

⁹ *Валеев Р.М.* Указ. раб. С. 243.

¹⁰ Там же. С. 245.

В.Н. Кисляков, А.М. Решетов

© 2002 г., ЭО, № 2

Н.А. Бутинов. Народы Папуа–Новой Гвинеи (От племенного строя к независимому государству). СПб., 2000. 384 с.

Рецензируемая книга вышла в свет летом 2000 г. – за полгода до кончины автора – и прозвучала как заключительный аккорд научного творчества этого замечательного ученого, одного из крупнейших отечественных исследователей истории первобытного общества.

В 1968 г. была издана книга Н.А. Бутинова «Папуасы Новой Гвинеи». Импульсом к написанию второй монографии о папуасах послужила личная встреча с ними в 1971 г. Встреча эта потрясла ученого: он воочию убедился в радикальных переменах, произошедших в папуасском обществе, которое в первой трети XX в. продолжало жить еще по законам каменного века, а спустя несколько десятилетий оказалось способным к созданию собственной государственности. Н.А. Бутинов так характеризует современное состояние новогвинейского общества: «Вряд ли на Земном шаре найдется другое такое государство, в котором наряду с 3 языками межплеменного общения (английским, пиджином и моту) было бы около 500 племенных языков, где наряду с банкнотами были бы в ходу раковинные деньги, где компьютер соседствовал бы с каменным топором, где самые современные лекарства были бы подчас бессильны перед черной магией, где колдовство серьезно мешало бы проведению экономических, социальных и культурных реформ» (с. 342).

Н.А. Бутинов задался целью изложить свою версию этнических, социально-экономических и политических процессов в Папуа–Новой Гвинее, вместившихся в период, обозначенный в подзаголовке книги: «От племенного строя к независимому государству».

Новая книга Н.А. Бутинова – не только продолжение и углубление разработки проблем традиционной социальной организации и культуры папуасов, предпринятой в первой монографии об этих народах, но и опирается на полевые наблюдения автора и других этнографов – участников комплексной экспедиции АН СССР на корабле «Дмитрий Менделеев» в Океанию, сделанные во время пребывания на Берегу Маклая в 1971 г. В ней учтены огромная информация и новые подходы к ее интерпретации, содержащиеся

в трудах зарубежных исследователей: из 644 иностранных работ, приведенных в списке использованной литературы, 240 изданы в последние три десятилетия.

В отличие от первой книги, посвященной папуасам только восточной половины острова Новая Гвинея, объектом исследования автора на сей раз стали также жители островов Новая Британия, Новая Ирландия, двух северных островов из группы Соломоновых и соседних небольших островов, входящих в состав государства Папуа–Новая Гвинея (далее – ПНГ). В истории этого государства Н.А. Бутинов выделяет три периода: доколониальный, колониальный и период независимости, самый продолжительный из которых – первый, именуемый автором «доконтактным», когда народы ПНГ жили в условиях первобытного строя, не вступая в тесные связи с европейцами. Именно этому периоду истории папуасов и традиционным институтам, сложившимся в это время, посвящены книга Н.А. Бутинова, изданная в 1968 г. и 10 (из 18) глав новой книги.

В рецензируемой книге автор вновь возвращается к проблемам первобытных отношений у папуасов, уходящих корнями в этот продолжительный период их истории, не только потому, что мировой наукой накоплен богатый материал, который следует учесть: гораздо важнее, с его точки зрения, то, что с возникновением собственной государственности настала новая эра, когда папуасы перестали быть пассивным объектом изучения со стороны представителей западной науки, и ученый почувствовал себя обязанным внести дополнения и коррективы в картину жизни народов Новой Гвинеи до начала перемен под влиянием колониалистов, воссозданную им 30 лет назад, учитывая видение папуасами своего прошлого и их взыскательное отношение к исследованиям западных ученых по их традиционной культуре. Среди 240 упомянутых выше работ имеется немало работ местных ученых – папуасов и меланезийцев, «этнографов-инсайдеров», как именует их Н.А. Бутинов, внимательно и уважительно их изучивший.

Считаясь с чувствами папуасов, Н.А. Бутинов отказывается от термина «первобытно-общинный строй» применительно к традиционному обществу народов ПНГ и заменяет его термином «племенной строй», фигурирующим на всем протяжении текста книги и в подзаголовке ее названия. Вместе с тем он в полной мере раскрывает перед читателем специфику социальной структуры папуасского общества. В первой главе книги «Этническая ситуация» (с. 35–62) автор признает, что к моменту появления европейцев племя как социальная общность еще не сложилось, что упоминаемые исследователями новогвинейские племена – не более чем языковые общности (с. 35). Они стали первичными ячейками в системе колониального управления, но принципы их выделения были субъективными, так как реальные границы между деревнями, включенными по инициативе работников миссионерских и административных станций или этнографами в разные племена, до этого отсутствовали ввиду господства цепной связи языков и культур их обитателей.

«Правы оказались те, – пишет Н.А. Бутинов, – кто говорил, что этнографы, изучая культуру народов, не только отражают существующее положение вещей, но и создают то, чего до них не было. Во всяком случае, они положили начало созданию племен» (с. 54). Но методы выделения «племен» как этнических общностей или социальных структур были у исследователей разные, в результате, замечает Н.А. Бутинов, «одну и ту же группу людей один этнограф называет племенем, другой – фратрией, третий – кланом, четвертый – подплеменем, пятый – локальной группой, шестой – дистриктном и т.д. Одну и ту же группу один этнограф считает одним племенем, другой находит здесь десять, а то и более племен» (с. 52). Хотя и непонятно, как в таких условиях можно подсчитать количество папуасских племен (будь это цифра 500, упомянутая на с. 342, или 700, как считают другие специалисты), но под напором приведенных выше аргументов нельзя не согласиться с автором, в том, что их выделение, а также «территориальные границы между племенами – это в конечном счете результат изысканий самих европейцев» (с. 36).

Однако спорным представляется утверждение, согласно которому деятельность миссионеров, колониальных чиновников и этнографов, приведшая к консолидации ряда деревень и их обособлению от соседних деревень, была причиной возникновения на острове сотен языков и ситуации «непроходимых языковых джунглей» (с. 49).

Судя по данным самых ранних путешественников об этнолингвистической ситуации на Новой Гвинее, бесконечное множество языков было изначальной особенностью этого региона, равно как отсутствие четких границ между языками соседних деревень. Появление европейцев на Новой Гвинее способствовало возникновению пиджина, ставшего языком межплеменного общения, а английский был официальным языком островитян еще в колониальный период, и оба эти варианта – пиджин и английский имеют статус национальных языков в независимом ПНГ.

Последующие десять глав книги посвящены исследованию основных социальных структур папуасов – общины, семьи, рода и связанных с ними таких социальных институтов и обычаев, как экзогамия, обряды

инициации, свадебные обряды и пр. Текст этих глав построен так, что авторские суждения не затемняют чрезвычайной пестроты, подчас противоречивости исходного материала, на который опирается проводимое автором расследование; папуасских племен сотни, и обычаи их различны, и точка зрения на один и тот же предмет туземцев-информаторов и расспрашивающих их этнографов может не совпадать. Сложности начинаются с понимания родства, составляющего основу местных социальных структур.

Опыт этнографов-полевиков показывает, что общение с местными жителями на тему о родстве и роде часто оказывается разговором на разных языках: каждая сторона изначально привносит в эту беседу собственное понимание этих институтов, и некоторые сообщения информаторов представляются этнографам ложными. Это происходит, например, когда этнографы считают, что принадлежность к клану отца определяется при рождении ребенка, не учитывая членов клана, принятых в него в зрелом возрасте и становящихся, по местным понятиям, равноправными с остальными – вплоть до права считать себя происходящими от общего родового предка. В этих случаях информаторы подвергаются давлению со стороны интервьюеров, которые в конечном счете получают от них по существу навязанные им ответы (о патрилинейности, генеалогиях, общем родовом предке и т.п.) (с. 188–191). Главная причина недоразумений, полагает Н.А. Бутинов, заключается в понимании западными этнографами родства как явления биологического, а самими папуасами – как явления социального (определяемого жизнью в одной группе, адопцией и т.п.).

В главе «Экзогенное родство» (с. 148–169) Н.А. Бутинов высказывает предположение, что концепция кровного родства, первоначально отсутствовавшая, проникла в сознание папуасов (и других народов с классификационной системой родства) под влиянием европейцев. Нынешние папуасы различают два вида отцовства: физиологическое (по крови, по рождению) и социальное (адопция, родство по кормлению) (с. 150). Более важным считается последнее. Концепция родства по кормлению претворяется в жизнь настолько последовательно, что в ряде случаев игнорируются факты биологического порядка. Так, дряхлого отца, находящегося на иждивении сына, обычай повелевает называть «сыном», а сына-кормильца – «отцом» (с. 155).

Социальное родство возникает у человека, меняющего родовую принадлежность и платящего взнос за право вступления в новый род и регулярно вносящего свою долю платы за невесту, покупаемую для «сородича» (с. 177). Н.А. Бутинов считает, что понимание рода в плане десцентицизма, с отсчетом родства от родового предка, не соответствует новогвинейским реалиям, что оно сложилось в этнографии в результате изучения продвинутых в своем развитии африканских племен и не годится для понимания сути рода у папуасов и меланезийцев (с. 173). Он солидарен с зарубежными исследователями – Р. Берндтом, Л. Лангнесом, А. Эпштейном и др., придающими первостепенное значение в установлении родства у папуасов проживанию на одной земле и совместному труду (с. 174–175).

В главе «Экзогамия» (с. 94–103) автор предлагает свое понимание роли этого института в родовой общине, отмечая концепции Д. Мак-Леннана и Л.Г. Моргана как давно устаревшие. Глава начинается цитатой из той работы Ю.И. Семенова (с которым Н.А. Бутинов солидарен по данному вопросу), где экзогамия определяется как запрет на половые отношения между членами группы, а род при этом не упоминается (с. 94). Экзогамные нормы, регулирующие браки в папуасском обществе, как показывает далее автор, предусматривают принадлежность жениха и невесты к разным родам, но не ограничиваются этим, вводя запреты на браки между близко живущими (территориальная экзогамия), одинаковой пищей вскармливаемыми (пищевая экзогамия) и даже равнодушными друг к другу молодыми людьми.

Полевым этнографом удалось установить, что род не на все сто процентов экзогамен, так как в случае нахождения осколков рода на дальних землях они перестают ощущаться как близкие люди по отношению к членам этого рода в месте их основной концентрации и брак между отдалившимися друг от друга членами рода допускается. И наоборот, в общине, где живут представители разных родов, на браки между ними распространяется запрет, исходящий из принципов территориальной и пищевой экзогамии (с. 99). В отношении адоптированных членов рода действуют два варианта – у одних племен разрешается взять невесту из принявшего их рода, у других – нет (с. 102). Случаи отступления от правила внутривидовой экзогамии отмечены в племени энга (1%), где они не возбраняются бедным членам рода (такие браки обходятся дешево).

Рассматривая смысл института экзогамии, Н.А. Бутинов на первое место ставит создание «семьи, в которой между мужем и женой нет связей ни по родству (ни по семейному, ни по клановому), ни по соседству. Муж и жена – люди друг для друга чужие» (с. 141). Таким образом, по его мысли, достигается

торжество общины над семьей, невозможное в случае прочности изначально враждебных ей семейных коллективов. У читателя может возникнуть вопрос: а разве община не является сообществом этих самых семей? И как можно добиваться усиления общины за счет ослабления составляющих ее частей? Не идет ли здесь речь о противостоянии родового (мужского) ядра общины представителям женского мира, ассоциируемого с чужеродностью? Гораздо более убедительным представляется, на мой взгляд, объяснение экзогамии как средства налаживания обменных и дружественных связей с соседними общинами (с. 101).

Увлекательно описано автором, как принимается на собрании в мужском доме деревни жениха решение о кандидатуре его невесты. К сожалению, автор не останавливается на содержании жарких споров, которыми сопровождается обсуждение этого вопроса. (Правда, на с. 114 упоминается местный мудрец, «большой человек», посредник между людьми и духами предков, который консультирует мужской коллектив, обсуждающий размер платы за невесту. Он толкует обычаи, но при этом может «лоббировать» интересы своих сторонников, и никто не смеет ему возражать, так как у него – харизма.) Автор не объяснил любознательному читателю причины отрицательного отношения мужского собрания к сексуальному влечению жениха к невесте, рассматриваемому как помеха для создания семьи.

В главе «Община» (с. 75–93) автор рассматривает концепцию авторитетных исследователей Я. Хогбина и К. Веджвуда, связывающих размер новогвинейской общины (до 350 чел.) с необходимостью совместными усилиями справляться с трудоемкими работами по расчистке земли, при ловле рыбы и строительстве хижины. В книге «Путь к Берегу Маклая» (Хабаровск, 1975) сам Н.А. Бутинов также объяснял существование больших деревень у папуасов потребностью в совместном труде. Однако в рецензируемой книге ученый пересмотрел эту точку зрения. Посещение в 1971 г. деревни Бонгу, где в это время жило 198 мужчин и женщин, а сто лет назад при Н.Н. Миклухо-Маклае – 76 взрослых жителей, а хозяйственная деятельность почти не изменилась (несмотря на появление облегчающих труд железных орудий), по признанию автора, заставило его усомниться в правильности прежних построений, по логике которых в новых условиях вместо одной общины должны были появиться две или три, но этого не произошло. К тому же ученый выяснил, что в качестве хозяйственной единицы выступает не вся деревня, а ее часть (в деревне Бонгу – вемун).

Считая несерьезным объяснение жизни большими коллективами постоянной угрозой набегов мужчин из соседних деревень, Н.А. Бутинов доказывает, что истинная причина существования больших поселений – потребность в сохранении и передаче из поколения в поколение культурных ценностей, созданных предками. Этот вывод, можно сказать, выстрадан автором, несомненно относившим к себе заключение о несостоятельности концепции о возникновении большой деревни на почве совместного труда всех членов общины. На с. 80 рецензируемой книги читаем: «То, что эта концепция существовала длительное время, зависело не столько от фактов, сколько от желания исследователей поставить на первое место в жизни общины производство материальных благ, подвести под общину хозяйственную базу».

В главе «Род» (с. 170–194) Н.А. Бутинов знакомит читателя со взглядами на этот институт западных ученых, работавших в ПНГ. Все исследователи признают род важнейшей социальной структурой общинно-родового строя, но по отдельным аспектам этого феномена высказывают разные мнения. Н.А. Бутинов считает ошибочным приписывание всему роду таких признаков, как наличие общей территории, мужского дома, площадки для танцев и иногда вождя (как это делает, например, К. Веджвуд), так как территорию занимает община, а мужской дом относится лишь к мужской части рода (с. 170).

Неразличение рода и родового ядра (мужчин) общины стало, по наблюдениям Н.А. Бутинова, характерной ошибкой этнографов. Однако не получается ли здесь игры слов, ведь все, что относится к родовому ядру, тем самым относится и к роду (разумеется, с оговоркой о принадлежности мужского дома к миру мужской культуры). Этот же мысленный перенос на род прав мужского родового ядра, – постоянной и полноправной части жителей деревни (общины), распоряжающейся землей (женщины получают права на землю только через мужчин – отца, брата, мужа, но не сами по себе), делает понятными «заблуждения» (с точки зрения автора рецензируемой книги) западных ученых, считающих землю общины родовой территорией. Тем более что по свидетельству Р. Берндта и М. Лоумана-Вайды, приводимому Н.А. Бутиновым, у некоторых папуасских племен род и община (деревня) обозначаются одним и тем же словом. Из этого, конечно, не следует, что ученый может не различать род и общину. Однако отрицание объединяющей роли общего предка и признание более важным источником родства совместного проживания («общинного родства», по Р. Берндту) дает новый ключ к интерпретации структуры папуасского общества (с. 164).

Подводя итоги своих изысканий, Н.А. Бутинов заявляет о своей солидарности с западными исследователями папуа-новогвинейского рода, доказавшими невозможность уложить его на прокрустово ложе «африканской модели» из-за невозможности генеалогически проследить происхождение членов рода от родового предка, из-за нелокализованности рода, из-за отсутствия общеродовых собраний, из-за невозможности установить численность членов рода, из-за неполной экзогамии рода (с. 189). Однако он отмечает (с. 194), что сами папуасы, вопреки этнографам, придерживаются «африканской модели», так как верят в происхождение членов рода от общего предка. Им не требуются генеалогические доказательства, поскольку свою связь с предком они устанавливают с помощью обрядов инициации (им посвящена специальная глава; с. 195–222). Но на с. 175 книги Н.А. Бутинов приводит мнение ученого-меланезийца П. Силитоу, считающего, что однолинейная десцентная группа – всего лишь правовая фикция для обоснования прав на владение землей.

К сожалению, сосредоточенный на рассмотрении решения проблемы соотношения рода и общины у папуасов представителями западной науки, автор далеко не всегда посвящает читателя в разнообразие терминов, которыми обозначают зарубежные коллеги в своих работах те родственные объединения, которые в авторском изложении сводятся к термину «род». Не акцентируется внимание и на многообразии подходов к трактовке термина род в современной отечественной этнографии (см., например, статью О.Ю. Артемовой «Род» в энциклопедии «Народы и религии»). Однако обширный материал, содержащийся в данной главе, и глубокий анализ его, несомненно, служат дальнейшему обогащению наших представлений о социальной организации папуасов и структурообразующей роли родства.

Последние шесть глав книги (с. 223–350) посвящены колониальному периоду истории ПНГ (с 1884 г.), процессу перехода к рыночной экономике, годам перехода к самоуправлению (1964–1975), периоду государственной независимости (с 1975 г.). Особое внимание обращено на то, как сливаются традиционные институты с инновациями и как они функционируют в условиях государственного строя.

Путь к государственной независимости жителей ПНГ, по мнению Н.А. Бутинова, начался с попытки Н.Н. Миклухо-Маклая создать Папуасский союз. Раскрытию этого тезиса посвящена глава «Тамо русс и Папуасский Союз» (с. 229–251). Участники упомянутой выше комплексной экспедиции 1971 г., по словам автора, почувствовали, находясь на Берегу Маклая, что папуасы свято хранят память о русском ученом. С особым удовлетворением сообщает автор о том, что в 1975 г. – накануне провозглашения независимости ПНГ – в Меданге на английском языке были изданы дневники Миклухо-Маклая, которые ученый вел в разные годы своей жизни на Берегу Маклая.

Один из разделов последней главы книги Н.А. Бутинов посвятил колоритной фигуре выдающегося политика ПНГ, бывшего министра иностранных дел страны А.М. Кики, ярко описавшего трансформацию выросшего в традиционных условиях папуасского мальчика в политика в своей книге «10 тысяч лет в одну жизнь» (вышла в русском переводе в 1981 г.).

Чрезвычайно ценно то, что в разделе «К истории этнографического изучения» автор поместил таблицу (№ 1) с названиями 85 папуасских племен и именами изучавших их этнографов и указанием порядковых номеров их трудов в библиографии (с. 24–28). Восприятие текста книги несколько затруднено отсутствием карты расселения этих (и других) племен на территории ПНГ, а также отсутствием указателя географических и этнических названий, имен исследователей, а также предметного указателя.

В ряде мест книги допущены фактические ошибки. Так, в предисловии, написанном А.М. Решетовым, в рассказе о жесткой критике, которой подверглись теоретические взгляды на историю первобытности, изложенные Н.А. Бутиновым в статье «Происхождение и этнический состав коренного населения Новой Гвинеи» (опубликованной в 1962 г. в 80-м томе «Трудов ИЭ АН СССР»), со стороны четырех авторов во главе с Ю.П. Аверкиевой в сноске 4 на с. 7 неверно приведены выходные данные их статьи «Еще раз о месте материнского рода в истории общества» в журнале «Советская этнография» (назван № 3 за 1962 г. вместо 1963 г.), и ответного «Письма в редакцию» Н.А. Бутинова – сноски 8 на с. 10 отсылает читателя все к той же статье его критиков (с ошибочной датой выхода) вместо № 3 за 1965 г.

Имеются и другие неточности и натяжки (например, в трактовке антропологических взглядов Н.Н. Миклухо-Маклая, и др.). На с. 187–188 неправильно набран текст, поясняющий пункты 1 и 2. Однако эти незначительные промахи не могут изменить главного впечатления от серьезного труда Н.А. Бутинова. Затрагивая массу дискуссионных сюжетов, рецензируемая монография дает на многие из них ответы, которые вряд ли будут приняты безоговорочно специалистами по проблемам первобытности. Как и всему научному творчеству Н.А. Бутинова, его последнему сочинению присущи свежесть и раскованность суждений, будоражащие мысль искушенного читателя – замечательное свойство, стимулирующее дальнейшее развитие науки.

Освоив громадный материал, накопленный мировой наукой, Н.А. Бутинов осуществил широкомащтабное этнографическое исследование традиционной социальной организации папуасов, а также проходившего в XX и перекинувшегося в XXI в. процесса их перехода от общинно-родовых отношений и колониальной зависимости к современному их бытию – с независимым государством, парламентом, рыночной экономикой, университетами и прочими атрибутами высокоразвитых народов. Он подарил читателю книгу, в которой создал выразительную картину социальных потрясений, буквально перевернувших мир папуа-новогвинейцев, оказавшихся способными за одно столетие пройти путь, на преодоление которого передовым народам потребовались тысячелетия.

Е.В. Иванова

© 2002 г., ЭО, № 2

В.П. Буданова. Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М., 2000. 543 с.

Начиная со II–III вв. относительно стабильную жизнь ряда регионов Европы, Передней Азии и Северной Африки стали будоражить бурные политические события. Сложная историческая эпоха продолжалась по существу до VII в., она ознаменовалась шквалом передвижений разных этнических групп и стала переходным периодом от античности к средневековью.

В русской исторической науке эта эпоха получила название Великое переселение народов. Подобные ее обозначения укоренились и за пределами нашей страны. Французы называют знаменательные события II–VII вв. *Les grandes invasions*, англичане – *The great migration*, итальянцы – *La grande migrazione*. Только в германоязычной литературе в сложившемся определении почему-то отсутствует определение «Великое», а угадывающийся за ним процесс называется *Völkerwanderung*, т.е. Переселение народов. Возможно, ни германские племена, ни их потомки не видели в своих миграциях ничего «великого». Они просто уходили с прежних мест жительства и продвигались на новые просторы в поисках лучших, порой свободных, но чаще занятых другими этническими группами земель.

Эпоха Великого переселения народов получила освещение в обширной научной исторической литературе на разных языках. Однако значительная часть опубликованных к настоящему времени книг и статей касается, как правило, или отдельных народов, или населения того или иного региона. Рецензируемая монография известного российского медиевиста В.П. Будановой выгодно отличается от таких работ, представляя собой синтетический труд по огромному кругу связанных с темой проблем. Подход автора к их решению характеризуют новизна и солидность.

Еще до интенсивных варварских вторжений на Апеннинский полуостров, а также в пределы романизированных римлянами регионов все это пространство обозначали словом Романия. Этому не только и не столько географическому, сколько культурному понятию противопоставляли мир, не охваченный античной цивилизацией. В латинских исторических источниках его называли Барбарикум или Барбария. После распада Римской империи историческая память о существовавших некогда двух мирах сохранилась в именах отдельных, чаще всего пограничных земель. Таким образом возникли названия итальянской области Романья (за пределами которой в VI в. находились владения остготовов, а в VII–VIII вв. – лангобардов) и горной зоны Барбаджа на о-ве Сардиния.

Содержание рецензируемой книги шире, чем ее название. Автор исследует не только племена Барбарикума, но также население всей Римской империи и ее провинций в их взаимодействии с варварским миром. В.П. Буданова четко формулирует свой подход к решаемым ею проблемам. Она пишет: «Системное изучение Великого переселения народов позволяет определить его как особый период исторического развития, когда на значительном историческом пространстве (уже не античность, но еще не средневековье), ограниченном конкретными историческими рамками (II–VII вв.) и определенной территорией (Европа, Азия, Африка), взаимодействие варварства и цивилизации достигло своей наиболее интенсивной фазы. Результатом этого взаимодействия, как следствия взаимопроникновения и взаимоуничтожения римского и варварского миров, явилось зарождение нового типа цивилизации» (с. 7).